

«...Профессор, друг, отец...»¹

(к 150-летию со дня рождения А. К. Глазунова)

Глазунов создал мир счастья, веселья, покоя, полета, упоения, задумчивости и многого, многого другого, всегда счастливого, всегда ясного и глубокого, всегда необыкновенно благородного, крылатого...

А. В. Луначарский

Александр Константинович Глазунов

В становлении Санкт-Петербургской консерватории как ведущего высшего учебного заведения принимали участие многие великие люди музыкальной сферы: А. Г. Рубинштейн, Н. А. Римский-Корсаков, А. К. Лядов – и это далеко не все, кто внес свой большой вклад в ее историю, но более всего хотелось бы уделить внимание персоне Александра Константиновича Глазунова. Можно с уверенностью сказать, что этот человек на своем веку очень много сделал для того, чтобы консерватория поднялась на новый, более высокий уровень. Имя Александра Константиновича Глазунова золотыми буквами вписано в историю, его вклад в ее развитие неоценим.

Безусловно, значительную роль сыграл он в жизни Санкт-Петербургской (с августа 1914 года – Петроградской, с 1924 года – Ленинградской) консерватории. Около тридцати лет он состоял профессором данного учебного заведения. Педагогическая деятельность его началась с преподавания партитурного чтения в специальных классах теории. Как вспоминает об этом М.О. Штейнберг:

«Упражнениями по чтению в ключах еще до Глазунова руководил директор консерватории Август Рудольфович Бернгард. Но лишь в классе Глазунова эти занятия развернулись во всю ширь и принесли нам впоследствии огромную пользу. Здесь мы знакомимся с творениями великих контрапунктистов нидерландской и итальянской школ, частью по превосходным сборникам: «Musica divina» Карла Проске и Франца Вюльнера, частью же по полным партитурам

¹ Н. Римский-Корсаков. Музыкальные статьи и заметки / ред. Н.Н. Римской-Корсаковой. — СПб., 1911. — С. 102.

композиторов той эпохи. Хорошо помню, как А. К. Глазунов восхищался несравненным мастерством Жоскена, Орландо Лассо, Палестрины, Габриели, как заражал энтузиазмом нас, молодых птенцов, еще плохо разбиравшихся во всех этих премудростях» (3, 16).

Глазунов также преподавал инструментовку:

«Впоследствии мы перешли к изучению инструментовки и занимались ею до перехода в класс практического сочинения», М. О. Штейнберг (3, 16).

Позднее вел классы камерного ансамбля, музыкальной литературы и дирижирования. Связав жизнь с консерваторией, Глазунов обрел здесь второе призвание: не только порученный класс – вся консерватория стала ему родным детищем.

Стоит сказать, что авторитет Александра Константиновича уже в 90-е гг. был весьма значительным, как в России, так и за границей. Он был постоянным участником заседаний, комиссий, жюри. К нему обращались и с просьбами дать отзыв на произведение, просмотреть сочинение или выступить в концерте. В Глазунове поражало феноменальное дарование: эрудиция, великолепная память, легкость в решении музыкально-технических задач.

В тесном творческом общении с ним формировались выдающиеся советские композиторы – М. Ипполитов-Иванов, В. Золотарев, М. Гнесин и многие другие.

Глазунов был, бесспорно, великим мастером своего дела. Б. Асафьев говорил о нем, как о педагоге, «полном инициативы и аналитических исканий».

Вот что пишет М. О. Штейнберг о Глазунове в своих воспоминаниях:

«Я бы сказал, что Александр Константинович был великолепен при индивидуальных занятиях с каждым из своих учеников. Всякий, кто хотел и по своим способностям мог взять от него то, что ему было нужно, получал очень много, благодаря огромной эрудиции, мастерству, авторитету и личному обаянию Глазунова. При групповых же занятиях дело обстояло иначе: далеко не все ученики схватывали сразу все то, что очень быстро, очень тихо, почти про себя говорил Глазунов. Когда он садился за рояль, многое из его слов нельзя было усвоить даже самым способным ученикам. Происходило это еще и потому, что Александр Константинович, как исключительный музыкант, не учитывал, что окружающие его не сразу могут схватить все то, что ему самому было абсолютно ясно» (3, 16).

Как замечает один из учеников Глазунова, дирижер Д. И. Похитонов, «как лектор, он не мог увлечь аудиторию, но его поразительная память на каждом уроке приводила нас в изумление».

Ученики любили его не только за знания, но и за всегдашнюю готовность помочь, за доброжелательность, мягкость и искренность. Ценили его и за безукоризненную пунктуальность – не опаздывал, а отменял занятия только уж когда чувствовал себя совсем неважно (4, 248).

*Александр Константинович Глазунов
и Николай Андреевич Римский-Корсаков*

Педагогическая работа тесно связывала Глазунова с Римским-Корсаковым. У них были общие ученики, а также они вели смежные курсы. Часто они заменяли друг друга во время болезни или отъездов на концерты. Встречаясь, они отбирали материал для занятий, составляли задачи, обсуждали успехи своих учеников. На экзаменах по инструментовке, например, ученики получали по две отметки: за чтение партитур и инструментовку. Далеко не

каждый год встречались ученики, получавшие по две пятерки, так как Глазунов был очень строг в своих оценках. В экзаменационной ведомости, помимо отметок, он также записывал краткие характеристики учащихся.

Работая с оркестрантами и вокалистами, Глазунов прежде всего обращал внимание на наличие музыкального слуха. В вокальном искусстве он проводил разграничение между понятиями «материал» – «голос» – «пение». Характеризуя, например, плохое исполнение певца, обладавшего хорошими природными данными, Александр Константинович сам себе задавал вопрос: «Можно ли называть материал голосом?». Нередко он писал: «Голос красивый и содержательный»; «Голос не очень содержательный». Определения голоса, его тембра и звука у профессора очень разнообразны: «красивый», «стройный», «дикий», «яркий», «ничтожный», «свежий», «сухой», «без металла», «серебристый», «большой», «красивенький», «горловой», «носовой», «теплый», «ласковый», «бархатный», «выработанный», «расшатанный», «звенящий», «густой» и много других эпитетов. Красивым он называл не только голос, но и пение. Большое значение Глазунов придавал способу произношения текста. Он считал даже, что характер дикции способен накладывать отпечаток на качество голоса и пения: «Произношение слов некрасивое, что влияет и на тембр голоса».

Декабрь 1905 года оказался значительным этапом в истории консерватории. Значителен он был еще и потому, что новым директором стал А. К. Глазунов. Одной из его приоритетных задач было возрождение былого могущества и авторитета учебного заведения. Мероприятия были направлены на закрепление вновь завоеванных прав после революционных событий. Весь прежний уклад подвергся переоценке. Современниками отмечалось, что директор, незаметно для всех, преодолевал трудности и добивался того, что требовалось для консерватории. Были пересмотрены учебные программы, экзаменационные требования, проводилось упорядочивание работы оркестрового, дирижерского, квартетного классов, менялись методы проведения лекций и практических занятий. Был создан хор учащихся. Также намечена перестройка классов сольного пения.

Все, кто работал и учился в консерватории в годы директорства Глазунова, долгое время вспоминали его демократизм, справедливость и чуткость. В воспоминаниях многих деятелей искусства, сотрудничавших или учившихся у Глазунова, некоторое внимание отводится описанию внешности Александра Константиновича, в которой возможно усмотреть его непоколебимое величие и авторитет. Вот как вспоминает композитора Б. Асафьев:

«Высокий, полный, даже статный, если бы не тучность и рыхлость, Глазунов производил впечатление человека, который не ходил, а словно передвигался. Он плыл, как гондола, никогда не спеша» (4, 11).

Не полнота поражала современников, а скольжение этой объемной фигуры; манера тихо, едва слышно говорить; медлительные жесты и неподвижный, устремленный в землю взгляд (4, 11).

В процессе работы на посту директора, Александр Константинович постепенно отходит от преподавательской деятельности. За ним сохраняется общее руководство большим учебным заведением, выпускающим исполнителей, теоретиков, историков музыки и композиторов. Он знает всех учащихся в лицо, присутствует на их выступлениях, не пропускает ни одного экзамена, по-прежнему записывает свои впечатления от каждого студента и дает письменные оценки (стоит отметить, что только за май 1910 года он присутствовал на экзаменах шестидесяти шести классов, поставив оценки и вписав характеристики семьсот семьдесят одному учащемуся). Его отметки, как правило, несколько завышены, но в то же время составляемые им характеристики поражают предельно тонким чувством предвидения. Он угадывает каждое дарование, умеет учуять слабые и сильные стороны таланта будущих музыкантов.

2015 год – юбилейный, ведь исполняется 150 лет со дня рождения Александра Константиновича Глазунова – человека с большой буквы, талантливого композитора, дирижера и великолепного педагога. Несмотря на войны и революции, Глазунов никогда не изменял своему художественному «я» (4, 109), всегда оставался верен себе и своему делу. Было бы справедливо, если бы еще при жизни А. К. Глазунов удостоился памятника за свои великие дела.

Использованная литература:

1. Заболотная Н. Alexander Glazunov [Электронный ресурс] // Belcanto.ru. — URL: <http://www.belcanto.ru/glazunov.html> (дата обращения: 17.03.2016)
2. Янковский М. О. Вехи жизненного пути // Глазунов А.К.: Музыкальное наследие: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: в 2 т. / ред. И. В. Голубовский. — Т.1 — Л.: Музгиз, 1959. — 556 с.
3. Штейнберг М.О. Глазунов. Воспоминания о нем и его письма, часть 1// Глазунов А.К.: Музыкальное наследие: Исследования. Материалы. Публикации. Письма: в 2 т. / ред. И. В. Голубовский. — Т.2 — Л.: Музгиз; 1960. — 569 с.
4. Куницын О. И. Глазунов. О жизни и творчестве великого русского музыканта. — СПб.: Союз художников, 2009. — 738 с.
5. Мищенко М. П. Молчание красоты // Приношение Глазунову. Очерки. — СПб: Культ-Информ-Пресс, 2006. — 112 с.
6. Слонимский Н. Глазунов: прошлое и настоящее человека и художника // Мищенко М. П. Приношение Глазунову. Приложение / пер. с англ М.П. Мищенко. — СПб: Культ-Информ-Пресс, 2006 — С.101–110.